

ЭТНИЧЕСКИЕ ИМЕНА В ТОПОНИМИИ БЕЛОРУССИИ

Среди географических названий Белоруссии особое место занимают те, которые заключают в себе непосредственное отражение этнических имен или благодаря случайным созвучиям кажутся принадлежащими к этой категории.

Этнотопонимы ввиду чрезвычайно сильной обусловленности внеязыковыми факторами представляют собой специфическую группу географических имен. Принято считать, что этнические местные названия возникают на стыках и границах этнических групп, на иноплеменной или инонациональной территории, подчеркивая отличие жителей данного селения от окружающего коренного населения.¹ Благодаря такой особенности этнотопонимы, как ни одна другая группа географических названий, являются важным вспомогательным историческим источником. Вместе с тем в литературе справедливо отмечалась необходимость осторожного отношения к значению этнических географических имен при обосновании соображений о былом территориальном расселении того или другого народа.² Этого требуют, прежде всего, наряду с другими причинами, отсутствие точных критериев разграничения действительно этнических и псевдоэтнических географических названий и недостаточная определенность принципов номинации в этой группе топонимов.

Подтверждением сказанному является имеющее давнюю историю изучение топонимов с основой *рад-* в связи с проблемой происхождения радимичей. Радимичские древности в Посожье, как известно, появились с IX века, однако до сих пор неизвестны обстоятельства возникновения радимичской курганной культуры (миграция извне, с соседних земель, или какие-либо другие причины).

Критический анализ различных точек зрения по данной проблеме осуществлен Г. Ф. Соловьевой, впервые верно поставившей вопрос о том, правомерно ли каждое название с корнем *рад-* связывать с этнонимом *радимичи*.³

Во всем комплексе проблем, связанных с происхождением радимичей, следует, на наш взгляд, выделить два аспекта, которые в ряде лингвистических и археологических работ не различаются. Первый — собственно исторический, археологический. «Археология пока не располагает данными для решения вопроса о месте, из которого расселились радимичи».⁴ Второй аспект — языковой (топонимический и этнонимический). Рассмотрение данного аспекта, которому и посвящена настоящая статья, предполагает положительный или отрицательный ответ на следующие вопросы: возможность определения значения этнонима *радимичи* и топонимов с основой *рад-*; установление действительного отношения топонимов с основой *рад-* к этнониму, а в случае положительного ответа на данный вопрос — возможность определения направления мотивации (этноним→топоним или топоним→этноним).

На трактовку этимологии этнонима *радимичи* наложило отпечаток древнее патронимическое значение общеславянского форманта *-ичи* (* *itj-*) и его дальнейшее распространение в антропонимии. Многие авторы не сомневаются в происхождении названия *радимичи* от имени легендарного вождя-прародителя Радима.⁵ Вместе с тем, как справедливо отмечает Г. Ф. Ковалев⁶, если поставить рядом с радимичами дреговичей, суличей, уличей или ободричей, названия которых никогда не были связаны с антропонимами, то выясняется, что и в первом возможна иная трактовка значения как корня, так и форманта *-ичи*. Этноним — факт социальный. Имя родоначальника или вождя могло стать основой наименования его потомков только при родовом строе.⁷ Но в VIII—X веках, и даже в более раннее время, родового, первобытнообщинного строя у восточных славян уже не было. Поэтому патронимическое значение этнонима *радимичи* можно подвергнуть сомнению. В данном случае, по всей

видимости, мы сталкиваемся с обычным персонифицирующим мифом, плодом фантазии древнерусских летописцев, строго следовавших канонам историко-художественных произведений, когда «ставший непонятым этноним рождает имя легендарного предка».⁸

Тем не менее можно установить исходную структуру и первоначальное значение интересующего нас этнонима, опираясь на данные топонимики, прежде всего, исторических областей радимичей и прилегающих территорий.

У славянских народов в древности (в частности, у западных славян) действительно был известен антропоним Радим, который лег в основу многих названий населенных пунктов в Повисленье. Г. Ф. Соловьева документально доказывает происхождение ряда топонимов типа Radomín, Radomice, Radzymin от имени реального лица (Радима), не имеющего никакого отношения к радимичам.⁹ В Белоруссии среди названий населенных пунктов, по данным топонимических источников,¹⁰ по существу нет таких, которые были бы образованы от антропонима Радим.

Ряд названий населенных пунктов БССР, в разное время привлекавшихся для решения проблемы происхождения радимичей, относится к посессивному отантропонимическому типу и с радимичами не связан: Радеева (Буда-Кошелевский р-н Гомельской обл.), Радилев (Краснопольский р-н Могилевской обл.), Радьков (Быховский р-н Могилевской обл.), Радин (Хойникский р-н Гомельской обл.), Радёвцы (Молодечненский р-н Минской обл.), Радёвичи (Гродненский р-н), Радошкóвичи (Молодечненский р-н Минской обл.), Радивóнишки (Лидский р-н Гродненской обл.), Радюкí (Новогрудский р-н Гродненской обл., Шарковщинский р-н Витебской обл.), Радúтичи (Осиповичский р-н Могилевской обл., Борисовский р-н Минской обл.), Радчéнки (Городокский р-н Витебской обл.).

Поскольку каждое название лежит на пересечении рядов, образуемых названиями с одинаковой основой и названиями с одинаковым формантом¹¹, в следующих названиях населенных пунктов Белоруссии правоммерно выделить корень *рад-*: Радунь — Вороновский, Кореличский р-ны Гродненской обл. (ср. Дрет-унь, Баб-ун-ичи); Радеж — Малоритский р-н Брестской обл. (ср. Тон-еж, Черт-еж); Радупля — Мядельский р-н Минской обл. (ср. Индр-уп-ка); Радецк — Пружанский р-н Брестской обл. (ср. Дуб-ецк-ое); Радогощ(а) — Ивановский р-н Брестской обл., Новогрудский р-н Гродненской обл. (ср. Сем-и-гост-ичи); Радница — Крупский р-н Минской обл. (ср. Бел-ица, Глуш-ица); Радута — Поставский р-н Витебской обл., Гродненский р-н (ср. Вел-ута); Радиня — Шумилинский р-н Витебской обл. (ср. Дорог-иня, Хат-ынь); Радостово — Дрогичинский р-н Брестской обл. (ср. Ставы, Ставицы); Радость — Каменецкий р-н Брестской обл. (ср. Добр-ость, Смол-ость); Радуша — Жлобинский р-н Гомельской обл. (ср. Люб-уш-аны); Радюшí — Островецкий р-н Гродненской обл. (допускаем и отантропонимическое происхождение этого топонима); Радощи — Лунинецкий р-н Брестской обл. (по всей видимости, из Рад-г-ощи, такую же структуру можно предполагать и для названий Радость из Рад-г-ость, Радостово из Рад-г-остово; ср. Радогощ-а); Радомля — Наровлянский р-н Гомельской обл., Чаусский р-н Могилевской обл.; Радовня — Ивановский р-н Брестской обл. (взаимозаменяемость формантов -ом-ля // -ов-ня может быть объяснена распространенной меной губных, в том числе и в // м в топонимии БССР и в белорусских говорах; ср. гидронимы Тóвба — Тóмба — басс. Днепра, Ипуть — Ивоть — басс. Сожа, Понéмель — Понéбель — Поневéйка — басс. Днепра и Сожа).

Перечисленные названия населенных пунктов содержат в своей структуре древние топоформанты (-еж, -унь, -инь-я, -уша, -уп-ля, -ута), непродуктивные в современную эпоху, за исключением, пожалуй, деминутивных (уменьшительных) суффиксов -ица, -ецк.¹²

Определение белорусских топонимов с корнем *рад-* позволяет проводить исторические параллели.

В центре полабско-балтийской славянской области на нижнем Одере с VIII века существовал мощный союз лютичей-велетов, в состав которого входило племя ратарей.¹³ На долю велетов выпало наиболее стойкое сопротивление немецкому наступлению на славянские земли. В источниках велеты характеризуются как «славные храбростью». Центром ратарей был известный и очень древний город Ридегост — Ретра, центр идолослужения и почитания бога Радогоста. Название этого города соответствует названиям упоминавшихся белорусских населенных пунктов (Радогощ-а и др.) и топонимам типа Радошь, Радогость и т. п., распространенным по всей восточнославянской территории.¹⁴ Этноним *велеты* косвенно отражен в белорусском слове *волат* — «богатырь», «великан» и в белорусских диалектных словах *валато́к*, *валочка*, *валато́йка* — «курган»¹⁵ (ср. названия населенных пунктов БССР: Волотынь — Берестовицкий р-н Гродненской обл., Во́лоты — Слуцкий р-н Минской обл., Волотовá — Гомельский р-н).

Переключка этих языковых фактов говорит о несомненных связях древнего славянского населения полабско-балтийского ареала, Повисленья и современной Белоруссии. И хотя семантика корня *рад-*¹⁶ по-прежнему остается неясной, наличие теонима Радогост помогает предположить, что этот корень обозначал какое-то важное религиозное понятие. Может быть, здесь есть определенная связь с самым загадочным и наименее изученным из всех славянских божеств, каким является Род, — «всеобъемлющее божество Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, откуда идет дождь и летят молнии, средним миром природы и нижним с его «огненным родством.»¹⁷

Этноним *радимичи* также мог возникнуть в данном аспекте мироощущения и мировосприятия, что подтверждает как-будто суффикс *-ичи* с его предполагаемым патронимическим значением, указывающим на общее происхождение от лица, обозначенного в топооснове (Рад=Род?).¹⁸

Таким образом, связь топонимов Белоруссии с корнем *рад-* и этнонима *радимичи* является возможной, при этом возникновение этих собственных имен могло осуществляться вполне самостоятельно, независимо друг от друга, так как мотивировалось общим представлением славянского населения об окружающем мире. Такая интерпретация проблемы не опровергает и не подтверждает летописную легенду о «ляшском» (западнославянском) происхождении радимичей, поскольку не очерчивает конкретных пространственных и временных рамок возникновения этнонима. Тем не менее изложенные обстоятельства подтверждают существование глубоких исторических связей славянских народов.

В проблеме происхождения этнонима *радимичи* есть еще один аспект, который не может не приниматься во внимание. Речь идет о многочисленных гидронимах с корнем *рад-* в Верхнем Поднепровье, в том числе и на территории Белоруссии. Обращают на себя внимание варианты имен и фонетическое варьирование одноименных названий водных объектов: Радучка — басс. Сожа; Радо́мка — басс. Десны; Ра́то́мка — басс. Березины; Ра́то́вка — басс. Сожа; Ро́димка — басс. Сожа; Радохочка — басс. Припяти; Ра́дча, вар. Ро́дча — басс. Припяти; Ра́дча, вар. Ра́ча — басс. Днепра; Ра́дча — оз. в Мозырском р-не; Ра́дчи́нка — басс. Десны; Ра́тча — басс. Днепра; Ра́тец, вар. Ра́тень, Ра́тен — басс. Сейма; Ра́тка — басс. Сожа; Ро́дица, вар. Рди́ца, Орди́ца — басс. Днепра; Раде́я, вар. Руде́я — басс. Днепра и Сожа; Руде́я, вар. Ру́денка — басс. Сожа; Ру́денка — басс. Днепра; Не́ра́товка, вар. Рудя́нка — басс. Березины, Припяти; Рудо́мка — басс. Днепра; Рудомо́йка — басс. Днепра и Сожа; Рудо́мья — басс. Десны; Ру́дка, вар. Иржа́вец — басс. Десны.

Как видно из данного списка гидронимов, фонетическое изменение корня осуществляется в следующих основных вариантах: рад-, род-, руд-, рат-, рд-. Гидронимы с корнем *рат-*, *рет-*, *руд-* в бассейне Днепра, Десны и Сейма В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев и А. С. Сtryжак считают по происхождению иранскими.¹⁹ В работах последних лет распространение этих речных имен сопоставляется с ареалами археологических культур, носи-

тели которых, предположительно, были ираноязычны.²⁰ Рассматриваемые речные имена на территории Белоруссии могли образоваться и на славянской почве, на основе тех апеллятивов, которые с древних времен являлись общим наследием ряда языков Восточной Европы (напр.: *рада* — «болото», иран. *gautah* — «река», приводимые Э. М. Мурзаевым,²¹ тем более, что носители иранских археологических культур (срубной и андроновской) на территорию Белоруссии не заходили.

Белорусские гидронимы с корнем *рад-* (*род-*, *руд-*, *рат-*) являются небольшими реками, нередко заболоченными, ручьями и старицами. Все они расположены в лесной, влажной и болотистой местности. Примечательно, что ареал этих гидронимов как бы очерчивает границы распространения радимичских древностей, хотя интересующих нас речных названий много как внутри этих границ (Посожье), так и за их пределами (бассейны Березины и Припяти).

В относительно замкнутых ареалах, при сходных географических условиях и одинаковых хозяйственно-культурных типах, возникают одинаковые по семантике и структуре этнические имена.²² Поречье Днепра было пограничьем радимичей с дреговичами. Дреговичи, жившие в лесах и болотах поречья Припяти, дословно — «жители болотистой территории». Может быть, и название *радимичи* объясняется подобным образом.

Такой интерпретации проблемы не противоречит наличие в топонимии БССР названий населенных пунктов с корнем *рад-*. Из 14 названий с этим корнем только два (*Радуша* и *Радомля*) располагаются рядом с древним ареалом радимичей (Жлобинский и Наровлянский р-ны Гомельской обл.), остальные находятся на тех территориях, где радимичские древности не выявлены. Название н. п. *Радчиск* (Столинский р-н Брестской обл.), по всей видимости, соотносится с гидронимами типа *Радча*. Все это подтверждает наше предположение, что названия населенных пунктов Белоруссии с корнем *рад-* и этноним *радимичи* возникли независимо друг от друга. Возникновение этнонима относится ко времени освоения восточнославянскими племенами левобережья Днепра вверх по течению Сожа, Ипути и Беседи (с IX века). Этноним был мотивирован характерными особенностями природной среды (леса, обилие рек, болот). Остается неясным, был ли известен расселявшимся славянским группировкам «речной» корнеслов *рад-* или он был усвоен в результате контактов с местным населением. Радимичская культура сложилась в результате синтеза культуры славян-пришельцев с культурой предшествовавшего населения. Что представляло собой это коренное население с этноязыковой точки зрения, откуда двигались переселявшиеся славяне, наконец, чей вклад в культуру будущих радимичей больше, — на эти вопросы пока еще нет однозначных ответов.

¹ См.: Гринблат М. Я. Этнонимическая топонимия и антропонимия Белоруссии // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. — Л., 1965. — С. 80; Охманьский Е. Иноземные поселения в Литве XIII—XIV вв. в свете этнонимических местных названий // Балто-славянские исследования. — М., 1981. — С. 113.

² См.: Попов А. И. Следы времен минувших. — Л., 1981. — С. 94.

³ См.: Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь. — М., 1968.

⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М., 1982. — С. 157.

⁵ См.: Попов А. И. Названия народов СССР (Введение в этнонимистику). — Л., 1973. — С. 40; Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь. — С. 354.

⁶ См.: Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий. — Воронеж, 1982. — С. 37.

⁷ См.: Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. — М., 1970. — С. 47.

⁸ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. — С. 19.

⁹ См.: Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь. — С. 353.

¹⁰ В качестве источников фактического материала нами использованы словари Е. Н. Рапановича (Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці. — Мінск, 1977; Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. — Мінск, 1979; Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. — Мінск, 1980; Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. — Мінск, 1981; Слоўнік назваў населеных пунктаў

Магілёўскай вобласці.— Мінск, 1983) и «Краткий топонимический словарь Белоруссии» В. А. Жучкевича (Мінск, 1974).

¹¹ См.: Никонов В. А. Закон ряда в географических названиях // *Onomastica*.— 1958.— IV.— 1.

¹² В гидронимии БССР формант -унь представлен всего пятью названиями, формант -инь-я — восемью; нерегулярно, нечасто встречаются также форманты -уша, -ежа, -ута, -овня; суффикса -ецк в речных названиях нет. С другой стороны, в Белоруссии много рек, названия которых включают форманты -ля, -ица. См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— М., 1962.

¹³ См.: Державин Н. С. Славяне в древности.— М., 1946.— С. 31.

¹⁴ См.: Нерознак В. П. Названия древнерусских городов.— М., 1983.— С. 145.

¹⁵ По народным представлениям, в древних курганах захоронены богатыри, великаны.

¹⁶ Этот корень наличествует также в славянских антропонимах Радомысл, Радо-слав, Радим.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М., 1981.— С. 453.

¹⁸ Допустима вероятность определенной «переделки» этнонима *радимичи* древнерусскими хронистами, «этимологизировавшими» его от имени Радим.

¹⁹ См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья; Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини.— Київ, 1963.

²⁰ См.: Членова Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*.— М., 1984.

²¹ См.: Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов.— М., 1984.

²² См.: Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов.— С. 49.

С. В. МАХОНЬ

ВИДЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В АУТОПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Многоплановый интерес вызывают переводы белорусской художественной литературы на русский язык. С лингвистической точки зрения они имеют ряд особенностей, которые отличают их от языка произведений писателей, живущих в БССР, но пишущих на русском языке, а также от языка произведений русских писателей. Перевод художественного произведения выполняется чаще всего для читателей, не владеющих белорусским языком, живущих в БССР и за ее пределами.

Среди переводов художественной прозы особый интерес представляют переводы, выполненные авторами (автопереводы). Как и переводчик, автор в данном случае двуязычен, однако для него белорусский язык является родным. В построенном на белорусском материале произведении героями, как правило, являются двуязычные жители республики. Поэтому анализ языковых явлений произведения будет способствовать установлению некоторых особенностей и закономерностей взаимодействия и взаимовлияния двух языковых систем — русской и белорусской, а также установлению некоторых характерных черт белорусско-русской интерференции.

Материалом для наблюдений автора статьи послужили автопереводы произведений В. Быкова, П. Мисько, Е. Кобец-Филимоновой, А. Карпука, В. Карпова, И. Мележа¹.

Определение интерференции как лингвистического явления можно свести к следующему: это «неосознанное, бесконтрольное использование при построении текстов на одном языке элементов другого языкового устройства»². Поэтому далеко не все вкрапления белорусского языка в текстах переводов можно считать проявлением интерференции. Так, не стоит считать интерференцией речь персонажей, если эта речь построена по правилам белорусского языка и состоит из белорусских слов. Герои повестей В. Быкова «Пойти и не вернуться» и «Волчья стая» перевозчик-связной Бормотухин и ездовой партизанского отряда Грибоед говорят по-белорусски. И если в речи остальных персонажей встречаются отдельные белорусские слова, то речь Бормотухина и Грибоеда полностью построена из белорусских лексем: [Грибоед]: *Чакай, чакай! Ходи сюды!*